

Бышев Михаил Павлович

ОСТАВШИХСЯ В ЖИВЫХ НАШИХ СОЛДАТ СБРАСЫВАЛИ В РЕКУ

1918 года рождения. В Москву я прибыл в 1934 году, поступил в ФЗУ завода № 1, на котором проработал до 1939 года. Мы строили самолеты-истребители И-16, И-15, самолеты Р-5.

В 1939 году 30 марта меня призвали в Красную Армию. Пассажирским поездом нас отправили в Енисейск, там мы прошли красноармейскую подготовку и далее нас отправили на станцию Гархун, 227-й отдельный строительный батальон. В Гархуне мы заготавливали лес для строительства. Проработав год, отдавали из батальона роту строителей. В их число попал и я, и отправили нас на станцию Гархун, дальше на станцию Боду. В Боду мы строили городок для военных, после этого строительства нас вызвали обратно в Гархун. Здесь мы проработали очень мало, началась война.

Меня назначили начальником отдела домостроительного комбината, начальник был отозван, отправлен на фронт, а надо было брусчатые дома строить для границы, и я возглавлял эту работу в течение трех месяцев. После трех месяцев соединили 227-й батальон вместе с 124-м батальоном и отправили на Маньчжурскую границу. На Маньчжурской границе мы минировали переднюю полосу и строили укрепленный район, доты, траншеи, недолго это продлилось, меня вызвали и отправили в полковую школу. Полковую школу я закончил, меня

отозвали в штаб и предложили ехать в Иркутск. Я прибыл в Иркутск с товарищами, нас зачислили курсантами, и мы учились там год. Закончили программу, нас отобрали сто человек отличников, в их число и я попал, и отправили на станцию Болошево, на центральные курсы минных заграждений особой техники. Эти курсы готовили в тыл врага минеров для организации партизанских вооруженных столкновений с противником. На Сталинградском фронте произошли изменения, и Сталин дал приказ наш выпуск распределить по всем войскам, для обучения саперов для дальнейшего наступления. Таким образом, мы попали в одиннадцатую инженерную саперную бригаду. Прибыли мы туда 25 декабря 1941 года.

Из бригады нас направили в 148-й инженерно саперный батальон. Когда мы туда прибыли, командир батальона собрал офицерское совещание и сообщил о том, что прибыли к нам два молодых грамотных офицера по инженерно-минному делу. Их задача — обучить в короткий срок нас и солдат, потому что в дальнейшем предвидится наступление. Ну и нам дали срок подготовить солдат к минированию, отвели нам землянку с Карповым, мы легли в землянке и стали рассуждать, как за три дня можно подготовить солдат, когда нас учили полтора года. Я составил план занятий на три дня: первый день с саперами минирование—разминирование на макетах мин, а два дня — на боевых минах. Мне Карпов возразил, говорит: «А если тебя кто-нибудь подорвет, тебя же в штрафную отправят, нет, я такими вопросами заниматься не буду». Ну, в общем, на этом мы и разошлись, я готовил своих своим способом, а он — своим. Утром выхожу со взводом, отрываю траншеи, взвод оставляю в траншее, разнес мины, взрыватели друг от друга на 50 метров и вызывал по одному солдату. Сначала им сделал вводную, потом рассказал всю теорию: минирование, разминирование, а потом вызывал по одному солдату, и он под моим присмотром минировал и разминировал мины. Я очень был доволен этими занятиями, потому что видел каждого солдата, на что он способен, какое у него состояние здоровья, нервный он или спокойный, потому что в минном деле главное — спокойствие. Так все прошло хорошо, но один чуть-чуть меня не подорвал. Все сделал хорошо, заминировал мину, установил взрыватели, а когда стал разминировать, вместо того, чтобы взрыватель вынуть из мины, стал вытаскивать из взрывателя чеку. Я схватил его за руки, он перепугался, я ему говорю: «Ну, теперь не бойся, раз ты жив, значит, все в порядке, значит, что-то задержалось». Я ему говорю: «Сейчас пальчики твои отогну, и все будет в порядке». Отогнул ему пальчики, смотрю,

чека чуть не выскочила. Я ее обратно затолкнул, в обратное положение, поднял его и сказал ему: «Иди в распоряжение старшины, он тебе даст работу, думаю такого минера нельзя допускать на минное поле».

Буквально через день — боевая тревога, противник прорвал переднюю оборону, и танки движутся в нашем направлении. Поставлена задача: срочно перекрыть минными полями танковое направление. Дают нам место, и мы с минами выезжаем на место, расставляем мины, каждому отделению назначаю старших — более опытных, которых я заметил во время учебы, и в течение получаса мины были установлены. Мне каждый командир отделения доложил, что мины установлены, я пошел по рядам, проверил, смотрю все в порядке, взрыватели стоят в минах, мины замаскированы. Вернулся, солдатам объявил благодарность, и мы возвратились в расположение. Не доходя до расположения батальона, я услышал в стороне взрыв. После выяснили: оказывается Карпов минировал поле, стал проверять ряды установки мин и обнаружил, что противопехотные мины стояли без взрывателей, взрыватели лежали около мин. Он разнервничался, начал их футболивать, но очередная мина взорвалась, и ему раздробило голень ноги. Так мой друг Павлик Карпов, с которым я проучился полтора года, на первом боевом задании потерял часть ноги и был списан из армии. После этого случая мне дали неделю срока на подготовку первой и второй роты инженерно-минному делу.

Я нашел товарищей, которые более или менее знали мины, мы стали обучать солдат, прошли за неделю курс минирования и разминирования и практически проводили занятия. Через неделю нас собрали, весь батальон, и направили в район Юхнова. Шли мы лесом, по 70 км в сутки, дороги были плохими, люди устали. И вот, в моем взводе, Беляев лег в кювет и не встает. Я подхожу к нему, говорит: «Товарищ командир, можешь стрелять на месте, я больше идти не могу». Я беру его на закорки и с ним иду. Я с ним прошел километр, но потом ему стало стыдно, он просил его спустить, чтобы идти самому, ну и пошел сам и дошел до Юхнова. Пришли в Юхнов, в лесу расположились на отдых, но отдыхать не пришлось.

Через час вызвали меня в штаб и сказали, что нужно сделать три минных прохода, показали где, и я приступил к этой работе, но так как саперы были не очень грамотные, а оборона немцев была сложная, в траве трудно было найти тоненькую проволоку. А мины противопехотные рассчитаны именно на живую силу. Если мина взрывается, она взлетает на полметра и разрывается — это так называемая прыгающая мина у немцев была, поэтому я решил сам проползти и

разминировать прыгающие мины, а танковые разминировать проще, поэтому поручил саперам. Немец услышал, что мы зашевелились, и открыл огонь, минометный и пулеметный, но мы как будто оглохли, зная, что если мина взорвется — это сложнее, поэтому все внимание было отдано только минному полю. Сделали мы проходы за два часа и доложили, что танки можно пускать. Немцев сбили с переднего края и пошли дальше, двигались 15 километров в направлении Варшавского шоссе.

Оно было разрушено, но мы шли и дошли до Зайцевой горы. Там нас немец остановил. Несколько раз мы пытались взять Зайцеву гору, она была высокой, с нее просматривалась вся местность. Дважды наши брали гору и дважды отдавали, потому что было хорошее укрепление, потери были очень большие и с нашей стороны, и с немецкой. Убрать трупы было невозможно, и от разложения образовалась вонь. На третий день мы сбили немцев и стали продвигаться к Варшавскому шоссе, прошли пять километров. На пути дорога была заминирована фугасами. Немцы взорвали фугасы, образовались глубокие воронки. Я принял решение завалить воронки, попросил всех отойти подальше, взорвал перемычки и засыпал грунтом воронки. Затем пустил трактора, они разровняли грунт, и пошли танки, за ними артиллерия. Мы начали наступление, и немец не успел нас накрыть огнем. Пошли вдоль Варшавского шоссе и в лесу решили строить дороги и медленно продвигаться. Потом нам прислали сибиряков, поток шел с машинами солдат на передовую.

Затем меня перекинули на обезвреживание заминированного немецкого моста. Я взял отделение и пошел. Нарвались на засаду, началась перестрелка. Рассеяли немцев, подошли к реке, перешли ее. Я принял решение перерезать провода и удалить взрыватели. Затем возвратился на командный пункт и доложил о том, что мост разминирован. Командующий дал приказ пустить танки. Танки прошли, и командир дал распоряжение представить солдат к награде.

Прошло полмесяца, и всех бойцов наградили, кроме Давыдова, который спас операцию. Давыдов был сыном кулака. Доказывать начальнику, что благодаря Давыдову успешно произведена операция, было бесполезно, и я принял решение отдать ему свою звезду, что я и сделал. Он ее носил полмесяца, меня за это ругали. Потом все-таки его наградили медалью «За отвагу».

Затем меня отправили в разведроту. Однажды к нам прибыли Соколов и Галецкий, посмотрели учение. И назначают меня командиром роты. Разминировав поля, мы дошли до реки Прони. Там была

поставлена задача двум ротам (первой командовал я, второй командовал Петраков И.И.) в течение трех часов построить мост через реку. На подготовку нам дали одну неделю. Я с Петраковым взял по отделению солдат, и пошли на передний край, выставили боевое охранение на противоположном берегу и стали мерить реку. Сделали промеры моста, натянули канат через реку и произвели разведку. Осталось два дня, и мы решили ставить береговые опоры ночью. Немец что-то заподозрил и начал стрелять в нашу сторону, но, несмотря на это, мы мост построили. Каким-то образом немецкий разведчик проник в наше боевое расположение и дал по мосту из автомата очередь. Но, благодаря богу, обошлось без раненых. Наши пустили танки, которые завязли в болоте и не смогли взять врага.

На вторую ночь возобновили атаку: сбили противника и пошли дальше. Впереди маленькие две речушки и Днепр. Никаких переправочных средств в роте не было. И в батальонах тоже ничего не было. Через Днепр надо было переправляться на каких-то плавательных средствах. Я решил: передам роту командиру взвода. Я пойду вперед за немецким отрядом и постараюсь дойти до Днепра, чтобы там захватить лодки. Взял отделение солдат и направился вперед. Догнал я немцев. Смотрю: идут. Они нас заметили и стали разворачивать пулемет. Мы залегли. Они постреляли, постреляли, потом встали и пошли дальше. Мы тоже встали — и за ними. Так до Днепра раз 15 ложились, потом вставали.

Последний бросок. Выхожу на берег Днепра, немцев нет. Вот только что видел, что они вышли. Подхожу ближе к берегу, смотрю, а они в лодки садятся. Один увидел, из автомата очередь дал, но не успел, мы залегли. Залегли и тут же из автоматов открыли огонь и немцев перестреляли. Их было человек 5. Перестреляли, сели в лодки. А на той стороне лодок была уйма. Мы на ту сторону. Цепляли по 5 лодок — и гуськом сюда, на этот берег. Сажали солдат: один батальон, потом второй, третий; полк перебросили и с ним пошли дальше, к Могилёву. Наши войска освободили Могилёв. Командир батальона вызывает меня и говорит: «Минск взяли, поэтому мы направляемся в Минск, а тебе задание: принимай батальон и с ним пойдёшь 20 км, в местечко, там нужно восстановить мост. Я сначала стал отказываться: «Почему я? У вас есть три заместителя, поручите им». — «Нет, ты у нас единственный, который училище закончил, знаешь военную подготовку, поэтому я тебе это дело доверяю». Ну что делать? Принимаю батальон, строю его в походный строй. Потому что минская группировка осталась здесь, в тылу.

Когда Минск взяли, замкнули там кольцо, немцы остались здесь. Я рассредоточил батальон: 1-я рота, потом через метров 15 — 2-я, походная, главный дозор, боковой дозор, в общем, полным развернутым строем иду по этой дороге к этому месту. Мне докладывают, что немцы были в деревне, отобрали продукты у населения и ушли в лес. Через 5 км поднимаемся: горка, рожь колосистая. На участке 1-й роты немцы сидели во ржи, около дороги, они открыли автоматный огонь. Двоих убило: Бобрикова, сержанта, и Баранова, ефрейтора, хорошие были люди. Бобриков был командиром взвода, когда не было офицера. Баранов был исключительно хорошим минёром. Самое серьёзное минерное задание он выполнял с честью. Награждён был медалью, орденом Славы.

Стрельба продолжалась. Я смотрю: немец, офицер, выскочил. Прямо из-под носа у меня. Я ему: «Стой, хальт!». Он обернулся и начал в меня стрелять: одна прожужжала, вторая слева, третья смотрю, в козырёк попала. У меня козырёк отвернут-то был. Я подумал: «Ведь не хотел убивать, хотел тебе просто нотацию прочитывать». Прицеливаюсь из автомата, дал ему очередь. Немец упал, смотрю: старший сержант Терентьев бежит наперерез. Я ему говорю: «Он готов, ты возьми у него оружие, планшетку и возвращайся в роту».

Похоронили мы двоих наших. Поставили кресты, все, как положено. Подхожу к 2-й роте, там говорят: «Мы взяли в плен трёх человек». Я: «А зачем вы их брали? Они наших убивают, а вы их берёте в плен. Вот теперь и будете возить их за собой». — «Что мы их, своей кашей будем кормить?» — «А как же! Они же живые люди!» — «Нет! Мы не будем их кормить! Они наших вешали, они наших насиловали, жён наших расстреливали, а мы их будем кашей кормить!» Ну, я подошёл и думаю, что же сделать, чтобы солдат наших успокоить. Ну, развёртываюсь, и одному немцу в ухо, тот рык и под козырёк, другому также, третьему... Поворачиваюсь к солдатам и говорю: «Вот я их наказал, больше не могу, есть приказ Сталина пленных не расстреливать, поэтому кормить их кашей и везти до тех пор, пока не сдадим в тыл». А старшине сказал кормить так же, как и наших.

Двигались дальше, вроде всё спокойно, никто нас не тревожит. Время к сумеркам, я Петракову говорю: «Вот здесь, на поляне, будем ночевать. Одна рота будет в боевом охранении, вторая рота будет спать. 1-я рота поспит, потом встает, заменяет, 2-я рота спит».

Ночевали, всё нормально. Успокоились и решили солдат помыть, умыться. Недалеко речка и по взводам, по отделениям к этой речке: одно отделение умывается, возвращается, другое идёт туда. Первая

рота прошла вся благополучно. А из второй роты: Соловьёв пошёл со своим взводом. Подошёл к речке — и тут его из автомата, два пулевых ранения. Пришлось Соловьёва отправлять обратно.

Затем пошли дальше. Дошли до моста. Мост взорван, но сваи торчат. Я посмотрел: крепкие, можно на эти сваи насадки, и мост будет в порядке.

В это время подходит ко мне солдат и говорит: «Товарищ командир, разрешите по надобности». — «Пожалуйста». И вдруг буквально через минуту он подбегает: «Товарищ командир, здесь немцы, в траве лежат». Я беру отделение, автоматы, подхожу, смотрю: действительно немцы, без оружия. Мы подняли 100 человек, в том числе одного генерала. Ну, под конвоем отправили их в наш тыл.

Занимаемся мостом, и вдруг через полчаса связной на лошади прискакал: мост не восстанавливать, срочно обратно. Приказ есть приказ — построились и обратно.

Обратно идем, километров пять прошли, навстречу мне майор на дороге: «Товарищ капитан, сейчас немец в атаку пойдёт, а у меня мало людей, помоги — у тебя такой вооруженный коллектив». Ну, я развернул батальон, 2 роты. И действительно, через 15-20 минут немцы пошли в атаку. Мы стреляем по ним, они падают: мёртвые и раненые, но всё равно идут, идут. Я смотрю: патронов остаётся мало, говорю майору: «Нет, так дело не пойдёт, их там, может, еще целая дивизия, давай им сдадим коридор, и пусть они идут, никуда они не пройдут, до Минска 100 км, там заслоны есть, их никто не пропустит». Услышал разговор артиллерист: «А как? А у меня пушка!» — «Ну, ты замок вытащи и возьми с собой, потом немцы пройдут, и возьмёшь пушку». Так и сделали: пропустили их, буквально через 15 минут опять стрельба: стреляют на другом участке.

Возвращаюсь обратно, как раз развилка нашей дороги и Минской, наши в Минск не пошли, через несколько минут меня вызывает майор Пижин. «Немцев расстрелял?» Я говорю, нет, не расстреливал, двоих расстреляли солдаты. «Ты знаешь сталинский приказ — пленных не расстреливать?» — «Я не знаю, если хотите, меня можете расстрелять.» — «Сдать роту!» Ну, я сдал командиру взвода роту, сам ушел. Солдаты мне построили шалаш. Я в шалаш залез, меня там хорошо кормили. Я пролежал в шалаше трое суток. На четвёртый день днём связной прибегает и говорит: «Приказом прибыть в батальон». Я считал, что приехала прокуратура, сейчас будут судить — и в штрафной батальон. Прихожу, никого нет: ни прокуратуры, ни комбата, замполита нет, сидит один капитан Немченков. «Кто меня вызывал?» —

«Я. Принимай роту и командуй». — «Как это — принимай? Меня отстранили, сколько уже людей побили, ранено сколько, а теперь принимай роту?» Ну, хорошо, принял роту, и началось движение вперед. Задача была поставлена — разгромить окруженную группировку и наступать дальше — за Минск, по направлению на Ломжу. Моя рота обеспечивала продвижение войск на всем протяжении.

Мы разминировали дороги, были и всевозможные сюрпризы. Однажды мы попали под окружение немцев, но удалось вырваться. Итак, мы закончили: наши войска пленили немцев, около 100 тыс., и дальше наступление развивалось быстрым темпом. Таким образом, мы вышли на Ломжу, Островенки, реку Нарез. На реке Нарез мне дали задание сделать десантную лодочную переправу через реку. Я трое суток находился под Ломжей, переправлял войска на ту сторону, бои были очень жестокие. У меня были большие потери в роте, и меня сняли от Ломжи, в тыл отправили, дали пополнение для того, чтобы их подучить. Я нашел местечко, озеро. На нём развернулся с лодками и стал обучать солдат. Десантные переправил, вдруг через несколько часов приезжает конный связной с приказом срочно вернуться к Новогруду. Я собрал роту и отправился. Там меня встретил командир батальона Бандос. Мы с ним пошли к реке Нарез. Он мне говорит о том, что в эту ночь полковые саперы хотели переправиться на тот берег, но немцы их не пустили, побили лодки и никакой переправки саперы не сделали. Приказали нашему батальону сделать переправу: «Давай со своей ротой сегодня ночью переправишь полк и 7 артиллеристских пушек 70-мм калибра на ту сторону. Я подошел, посмотрел на берег, действительно, сообщения прошли на берегу, лодок мало. Мои — и те побитые. Ну, хорошо, что у меня в запасе было немножко своих. В общем, до темноты не подходили к реке. Как немножко стемнело, пошли на реку, стали ремонтировать лодки, а я взял с собой автоматчиков, трёх человек, мерный канат и на лодке стал проверять глубину реки, где ставить паром. Промерил всё, паром в этом месте может пройти. Выбрались на немецкий берег, вкопали хороший столб, привязали канат, оставил я там двоих автоматчиков, а сам с одним поплыл обратно. К этому времени на том берегу, нашем, солдаты вырыли то же самое: ямы, поставили столбы, сделали так, чтобы можно было ещё веревку накинуть. Натянули, как струну, верёвку, а другие готовили паром.

Паром был готов, лодки подремонтировали. Тогда я послал связного за полком, оставшимся в лесу, сказав, чтобы на берег без моей

команды не выходили. Я был назначен начальником переправы, поэтому мне подчинялись.

Провели первый батальон: посадили в лодки, пушки подтащили, загрузили на паром и поплыли на ту сторону. Переправились, немцы нас не слышали.

Потом второй батальон, третий и остальные пушки, все переправили.

К 9 часам мы закончили. Ну, хорошо, что был туман. А так бы нас немцы могли раньше заметить. Они совершенно нас не заметили. В 9 часов наши пошли в атаку. С ходу заняли 4 траншеи, немцы бежали в нижнем белье. Но когда туман рассеялся, они увидели, что наших войск мало и развернули дивизию против нас. И потом, как мне стало известно позже, вторую дивизию. Вот на этом участке, всего 200 м, они начали нас покрывать огнем. Все траншеи обратно забрали. Оставшиеся в живых наши солдаты были сброшены в реку. И ждали ночь. Ночью дают мне штрафную роту и говорят: «Переправляйся на тот берег». Переправил я штрафную роту. Она ночью пошла в атаку, заняла три траншеи, 4-ю не заняла. Утром опять немцы пошли в атаку и наших оставшихся опять бросили в реку. И так продолжалось семь суток. Пушки наши были все уже побиты, не стреляли. Приехал я в роту.

В роте у меня был очень хороший писарь, сам по профессии он был бухгалтер, честнейший человек. Я несколько раз подавал на него характеристики для награждения, но никак его не пропускают в батальон: раз в бою не был, значит награждать не можем. «Так он же за командира роты работает здесь все время, я ведь нахожусь на переднем крае, все отчетности, всё делает, достойный человек». Ну, он ко мне подходит и говорит: «Товарищ капитан, я больше не буду здесь работать, иду на передний край, скоро война, может быть, кончится, а у меня даже ни одной медали нет». — «Ну, брось ты, сам же знаешь, как пополнение приходит, в первом же бою 30-50% выходит из строя, вот ты пойдешь и можешь попасть в эту мясорубку». — «Нет, я пойду». И всё-таки пошёл на передний край, на Нару, и в первую же ночь его ранило, распорол живот, мы его отправили в санбат. Как дальше сложилась его судьба, выжил или нет, я не знаю, но очень сожалею: нельзя было так нелепо потерять, можно сказать, жизнь.

На седьмые сутки уже были лодки все побиты, все в дырах, потому что немец бил из артиллерии и миномётов постоянно, день и ночь, он закопал нам все траншеи, все ходы сообщения снарядами. Одни

снаряды летят, другие взрываются, без конца и всё по одному месту. Мне дают приказ: переправить на ту сторону боеприпасы. У меня на берегу дежурило отделение. Я подхожу к дежурному, старшему сержанту Терентьеву: «Давай с отделением переправим боеприпасы, боеприпасов нет на той стороне». Он мне говорит: «Товарищ капитан, я вас очень уважаю, но не пойду, всё равно убьют — невозможно будет, лодки все побиты. Вы можете расстрелять нас здесь, но мы всё равно не пойдём». «Что же делать? Раз вы мой приказ не выполняете, пойду один». И пошёл я к Наре, отобрал несколько более-менее лодок, стал собирать паром. Снаряды жужжат, летят, осколки, я продолжаю работать. Минут, наверно, 20 я работал, потом смотрю: не выдержали нервы у Терентьева, бежит с отделением и говорит: «Товарищ капитан, лягте отдыхать, а мы сделаем». — «Да нет, зачем же отдыхать, давайте вместе сейчас соберём и переправим».

Собрали паром, переправили боеприпасы. Ни у кого не было ни одного ранения. Так удачно все перебросили, вернулись на свой берег, это было 7-го. А 8-го утром что-то не так. Нет стрельбы. Мы удивились: тишина и команда: «Отбой!». Я встаю и тут же падаю: ноги не держат. Потому что все эти 7 суток мы только ползали по земле. Встали, оказывается, немец ушел, ушел на Остролёнки. На Остроленках слышим, завязался бой. А на Остроленках наши заняли плацдарм, немцы пытались сбросить наши войска, но не смогли. Тогда под Ломжей у них освободились войска, они две дивизии бросили на остроленский плацдарм, чтобы наших сбросить. Наше командование решило полк бросить в наступление. Я тогда ещё удивлялся: какое наступление, если сзади ничего нет — ни артиллерии, ничего. Оказывается, просто сделали так, чтобы развернуть эти дивизии, которые с Ломжи, на наш полк и выиграть время. И за это время наши войска сосредоточили там танки, артиллерию, самоходки, и немцы с этими 2-мя дивизиями не могли сбросить нас с плацдарма. И тут мы сосредоточились, наши войска тоже отправились на остроленский плацдарм и оттуда началось наступление. Мы шли с боями до Цопота.

Не доходя Цопота, остановились у Кнышена. Немцы нас не пустили, оттуда была уже морская артиллерия. Оставив батальон командиру, я поехал со связным вначале, а потом забрал уже одну роту в Кнышен. Приезжаю туда, расположил роту в домике, пошёл к командиру полка. Он меня познакомил с передним краем по карте — от Кнышена приблизительно в километре. Ну, я с артиллерией пошёл в разведку. Мне нужно было там разведать мост. Еще до моста, слышу, с одной стороны немцы разговаривают, и с другой. В чем дело? Залег-

ли, прислушались: нет, что-то не то. Вернулись обратно. Подходим к Кнышену. Вдруг часовой кричит: «Стой, кто идёт?» — «Свои, а чего здесь стоишь? А где передний край?» — «Поставил командир роты, передний край здесь». — «Как здесь? Мне сказали в 1 км». — «Да нет, вот по деревне, здесь». Я захожу туда, на командный пункт полка, и командиру полка говорю: «Ну что такое, что за обман, я чуть в плен к немцам не попал с отделением, вы нарисовали, где передний край, а он у вас прям за домами». — «Как?» — «А вот так, идите проверьте». Тут началась ругня, я тогда говорю: «Вы разбирайтесь здесь, а я потом к вам приду, когда вы мне скажете». Выхожу из землянки, смотрю, пули летят, снаряды, мины, немец идёт в атаку. Я скорее побежал роту поднимать. Бегу — смотрю, генерал: «Ты куда бежишь?» — «Как куда? Роту поднимаю, видите, немец в атаку идёт». — «Смотрите, колонна какая наших войск, они же не развернутся, не смогут, ничего». — «Да, давай быстрее». Я поднял роту, автоматчиков поставил, стреляем по немцам прямо в упор, не подпускаем. Ну, хорошо, что «катюши» близко стояли — они на прямую наводку как дали подряд несколько залпов и прямо языками этих снарядов немцев слизали. Это и спасло, а то бы нас задавило — у меня патронов немного было, нас бы смяли. Немцы отступили.

Пошли мы вперед, восстановили мост, пропустили 60 танков и самоходок по этому мосту, и наши пошли на Цопот, к Балтийскому морю. Много потеряли, 50% танков, самоходок на этом участке. Потому что немцы сидели в щелях. Пропускают нашу самоходку или танк и стреляют из панцерфауста и зажигают. А если бы мы посадили солдат на танки, то этого могло бы не случиться. Ну, все-таки мы в Цопот ворвались, затем пошли в Данциг.

В Данциге я взял отделение солдат — и к Висле. Хотел переправиться на ту сторону, чтобы забрать лодки. Стал собирать плот, и вдруг немцы с элеватора открыли огонь. Я тогда увидел артиллеристов рядом и говорю: «Дайте несколько залпов». Они дали несколько залпов, и немцы сразу подняли флаг, белый. Мы переправились на плоту на тот берег, забрали лодки и тут же переправили один батальон, который потом пошел в атаку на элеватор. Пленили немцев, они сдали оружие, и мы их отправили как пленных. Таким образом в Данциге закончилась война.

Мы к вечеру зашли в один дом, хозяин был приветливый поляк, сразу посадил нас за стол, принес вина. Выпили, поговорили, потом разошлись. Нас по приказу из Данцига направили на Одер, а до Одера большой переход, 300 км в район Фидихово. Когда я достиг этого

Фидихова, мне дали задание: построить 5 блиндажей для командного пункта. Место показали: в лесу, на берегу озера. Место хорошее, но деревья там валить нельзя, потому что сразу немец услышит и обстреляет. Я посмотрел по карте и нашел деревообделывающий комбинат. Беру ездового Митракова, и поехали мы туда. Приехав, увидели: действительно, там около 100 кубометров бруса, напиленного 18 или 20X20. Мне прислали 25 машин, я погрузил этот брус и перевез на предполагаемый НП. Там уже рытьё котлованов подходило к концу. Людей было недостаточно, рота поредела, поэтому приходилось работать всем офицерам, сержантам, в том числе и мне. Гимнастерки мы сняли, потому что смола грязнила их, работали в нижнем белье, которое потом можно было отдать в прачечную, где его отстирывали.

Таким образом, мы проработали 2 часа но немец все равно услышал нас и сделал артиллерийский налёт. Я приказал спрятать оружие, вещи в котлованы. Когда закончили строительство блиндажей, я обнаружил, что у меня в гимнастёрке карманы открытые. А в одном из них была книжечка, мне ее мама дала, когда я на фронт уходил, сказала: «Береги, это твоё счастье». Ну, вот я и хранил. И вот эта книжечка исчезла. В другом кармане был партийный билет. Все исчезло.

Я тут же обыскал всё, нигде нет. Написал я рапорт начальнику политотдела и нашему заместителю командира батальона по политической части, что мною утерян партбилет. Шло время. После блиндажа нас направили на организацию десантной переправы в районе Фидихово. Сначала надо было сходить в разведку. Я взял связного Никитина и вместе с ним пошли на берег реки. И тут же немец нас обстрелял миномётом, но все-таки мы дошли до берега. Посмотрели, там домик стоял, где был наш наблюдатель, он разрешил посмотреть в башенную трубу на тот берег и спланировал, где мне делать переправу. Одер в то время был большой водной преградой, 2,5 км, немцы взорвали плотину и затопили пойму, между ее двумя рукавами.

Пришел я в расположение, говорю: «Мне надо отправить 16 лодок, но проскочить именно на скорости». Взяли лодки, погрузили и в нужное место направили. Перевезли на машинах, там разгрузили, а вечером я подтащил их к месту переправы. Эта работа продолжалась до 12 ночи. Звоню генералу: «Лодки на месте, хоть и луна, но утром переправа хуже будет». Ну, он разрешил переправляться. Я сажаю 1 батальон и с ним еду сам, с командиром батальона. Проплыли метров 30 от берега, и тут с немецкой стороны открыли огонь. Ну, мы тоже открыли пулеметный огонь и двигались с огнём. Достигли косы, и вдруг я слышу крик: «Братцы! Мы свои, кого вы бьёте!» Я знаю,

что наших никого нет, это власовцы, но дальше мы поплыли без выстрелов. Я возвратился обратно за продуктами, немцы заметили мою лодку и обстреляли, мы легли в лодку и руками подгребали до косы, где нас уже не было видно. Так мы ночь пробыли там. Наутро немец начал обстрел. Наши открыли огонь, артподготовку сделали, час били по немецкому берегу. Там лес, деревья были все разбиты — верхушки. Тогда командир полка попросил перенести огонь в глубину. А я весь полк уже высадил на тот берег за время артподготовки. И он пошел с полком в атаку. Атака захлебнулась, много было потерь. На вторые сутки на прямую наводку прислали артиллеристов. Они привезли с собой лошадей. Все лошади были убиты. Очень четко работали снайперы. На третий день мы ещё сделали ночью мост, танки пустили. Пошли в атаку, опять ничего не получилось. Ну, потом все-таки прорвали оборону. А она была сильной потому, что стреляли смертники.

Пошли дальше, стали занимать немецкие города, разрезали берлинскую группировку немецких войск и шли в наступление. Наши войска дошли до Эльбы. 8 мая нам объявили, что война закончилась.

* * *

Когда наступали наши войска под Минском, мне дали задание восстановить мост через реку Свислочь. Но на этом мосту уже работала 2-я рота, и не смогла мост восстановить, их обстреляли. Были раненые. Комбату говорю: «Я могу построить мост, только в другом месте, я буду здесь иметь только потери». Он со мной согласился. Я пошел дальше по реке, нашел местечко, удобное. Там стояла мельница, и там я решил построить заново мост. Выставил боевое охранение, поставил людей готовить материалы, а сам находился на мосту. Тут быстро связали рамы, положили прогоны, всё было тихо, закрепили. Иногда немец постреливал, но не прицельно, и мы не обращали внимания. В конечном счете, мост построили, стали снимать боевые охранения. Одного солдата не досчитались, стали его искать, нашли: он был ранен и прикусил язык, чтобы не кричать. Мы его вытащили и сразу в санбат отправили. Пришел я с ротой в расположение уже под утро, быстро поели и легли спать.

Утром, часов в 10, приходит замполит: «Почему у тебя люди спят?» — «Отдыхают, ночью работали». — «Сегодня же день занятий, ты почему не проводишь?» — «Я с ними беседовал минут 20 и уло-

жил их спать». Вызывает меня командир батальона, Бандос, и говорит: «Я сейчас с командного пункта, нужно в другом месте построить мост». Дал времени полтора часа. Сказал, чтоб был мост. Ну, я поднимаю роту, и направляюсь к этому мосту, а немец, бьёт, только макушки деревьев слетают. Лес мы прошли нормально, как из леса вышли, видим деревушку, под ней как раз речушка течет. И немец открыл по нам пулеметный огонь. Я положил роту, подзываю командиров взводов к себе: давайте, расстояние небольшое, с огнем в атаку. Так и сделали: пробежали, никого не ранило, немцы убежали, я даю команду разбирать амбары одному, второму подносить бревна, третий остался на мосту, мост строить. Промерил глубину, небольшая: метр, метр тридцать. За полтора часа мы мост построили. Когда я проверял мост, лейтенант Рядинский мне докладывал, я ему говорю: «Вот здесь надо подправить, вот здесь», а он всё: «Есть, есть», а потом смотрю: молчит что-то, я обернулся, смотрю, он уже в воде. Я кричу солдатам: «Вытащите лейтенанта!». Вытащили, его ранило. А кто ранил, неизвестно. Я тогда вызываю сержанта Терентьева и говорю: «Иди с отделением, и приведи мне того, кто стрелял по Рядинскому». Он пошел и действительно снял с церкви одного немецкого фельдфебеля. Его на месте расстреляли. Вдруг смотрю: к речке подходит генерал, а я его редко видел. Я подбегаю, докладываю: «Товарищ генерал, командир роты такой-то», а он перебил: «Молодцы, вас нужно к героям представлять. Я тоже получил задание — штаб разместить в этой деревне, поехал на машине, а меня встретили пулеметным огнем, подожгли машину, хорошо, что была щель, и мы с шофером сидели в этой щели и наблюдали, как вы действовали». Потом генерал ушел, приехал наш замполит, а я уже к этому времени пропустил полки, дивизию полностью. Мост расшатали немного, раскривили. Он вызывает меня на мост и говорит: «Что ж такие мосты строишь?» — «Да нет, он был хороший, я свою задачу выполнил: я должен был только пропустить, а после меня уже должны идти сапёры и строить хорошие фундаментальные мосты». На этом разговор закончился, мы пошли дальше, наступать.

Догнали свои передовые части, стали разминировать дороги и пропускать войска. И так двигались сутками. Дивизия наступала на крепость Осовец. А нас прикрепили к этой дивизии, чтобы разминировать дороги и пропускать войска. Подход к крепости: открытая пойма и дорога вся заминированная. Войска остановились, мы впереди. Мины были новые, мы их не знали. Ну, раз неизвестные мины, значит, у нас с собой кошки были, кошку зацепили, дернули, она взорва-

лась. И так кошками мы взрывали эти мины. До крепости проход сделали войска. Немцы быстро сбежали из крепости, наши заняли траншеи, я решил проверить, что за речка, есть ли мост, может, дальше наступать будем. Взял отделение Хильмана и пошёл с ним. Шли дорогой, дорога хорошая, немцы, наверно, много навалили туда щебёнки. Мы прошли до речки. Смотрю: мост взорван, одни сваи только немножко торчат над водой, и никакого материала больше нет. Ну, я решил, что мост можно по этим сваям сделать. Только возвратились обратно, немец открыл пулеметный огонь. Мы спрятались, посидели минут 15. Потом по одному, перебежками за кучи щебенки прятались. И так он нас сопровождал целый километр: вначале пулеметным, потом минометном огнем.

Благополучно мы добрались до своих, до крепости. Потерь не было, раненых тоже. Пришёл я в расположение, мне докладывают, что был авиационный налет и Рядинского ранило, а санбата рядом нет, его нужно было везти в бригаду. А бригада за 50 км от переднего края, и был приказ, что раненых офицеров должен сопровождать офицер. Обстановка была спокойная, и я передал командование ротой старшему лейтенанту Шестакову, командиру 3-го взвода роты, а сам направился на лошади везти Рядинского в санбат. Пока мы ехали по пойме, столько было штабелей! Это были убитые солдаты, сложенные в штабеля. Проехал я 50 км через Польшу, добрался до бригады к вечеру, врача не могу найти, никто не знает, где врач. Наконец нашел врача, сдал лейтенанта и возвратился обратно, на крепость Осовец. Скоро нас сняли на другое направление.

Однажды наступаем, видим, темнеть начинает, три хорошие землянки, солдаты захотели отдохнуть в них. Я говорю: опасно, не могли немцы оставить землянки нам, наверно, они их заминировали, так что не советую, лучше в поле. Ну, всё-таки стали переубеждать. Тогда говорю: под вашу ответственность, выделяйте солдат по отделениям, проверьте всё досконально, если не заминировано, то можете занимать. Проверили, доложили, что мин нет. Ну, хорошо, занимайте. И я тоже расположился в одной землянке. На 3-й этаж землянки поднялся, лежу, а ноги мокрые и у меня их судорогой свело, я оттолкнулся и прямо с этих нар вниз упал, а там лежал капитан медицинской службы, тоже к нам присоединившийся. Потом выхожу, смотрю: уже начинает рассветать. Я тогда старшину бужу и говорю: «Давай подъём и пойдем, что-то мне не нравится вся эта обстановка». Поднялись, построились, даже есть не стали, солдаты насупились, но приказ есть приказ. И пошли. Отошли буквально метров 300 от этих землянок, они

стали взрываться. Очевидно, немец где-то часовой замыкатель поставил на расстоянии, далеко, а тут взрывчатку заложил, и наши не смогли это найти. Тогда солдаты поняли, что они не правы были. Ну, потом двигались дальше по направлению войск.

Однажды в Белоруссии перебрасывали нас с одного участка на другой. Уже вечер, надо было где-то ночевать. Ну, решили в лесу, на поляночке. Расположились и солдаты улеглись. Снег засыпал солдат полностью, и ни один даже не услышал, потому что сильно устали и крепко спали. Утром я встаю, бужу старшину: «Ты смотри, вся полянка снегом покрыта, и только дырочки от дыхания солдат видны. Сейчас дам команду подниматься, интересно, как будет». Снег развернулся, солдаты встали, покушали и двинулись в путь дальше.

Однажды проходили Польшу, обозы отстали, болотистые места, солдаты ели по два сухаря, нагрузка тяжелая. И вот уже приближались к немецкой границе. Лес. Я смотрю: в лесу две коровы привязаны к березам, думаю, немцы привязали, убегая от нас. Вызываю старшину, командира второй роты Петракова и говорю: «Давайте по корове зарежем, накормим солдат котлетами на границе немецкой». — «Что ты, нет! Есть приказ Сталина у поляков ничего не брать, а мы еще на польской территории находимся». Я говорю: «При чем здесь поляки, это же немцы привязали коров. Ты же знаешь, кто последний отдает приказ, тот и отвечает, я даю тебе приказ зарезать корову, а другую привязать к повозке». Ну, старшина быстро зарезал корову, накрутил котлет, вдруг меня вызывают. Майор Пежин. Я прихожу, смотрю: открывают дверь, там сидят офицеры. «Зарезал я одну корову». — «Ну ты же знаешь, приказ Сталина на польской территории ничего не брать?» — «Знаю, а я у поляков ничего и не брал, это немцы привязали коров, а когда мы отступали, они, убегая, забыли отвязать коров». Тогда Петраков ко мне подходит и говорит: «Дай мне одну корову». — «Тебе бы я не дал, потому что ты не соглашался, но мне жалко твоих солдат, всего батальона, поэтому корову возьми, накорми людей».

Когда вошли на территорию Германии, пехоты не было, были одни сапёры. Дали три дороги, я поставил на каждую взвод, и Рядинский пошел и взвод погубил, а бы не стал делать объездную дорогу, надо было разобрать взорванный мостик, и прошла бы техника, но немцы схитрили и заминировали 100 кв.м зарядами. Один сапёр взорвал один запал, шнур детонировал и произошёл взрыв, пострадали люди. Поэтому приходилось мне самому решать трудные задачи. Мы получили приказ изучить мины. Я беру лейтенанта Осина, нашли

мину, подошли к ней и стали ножиком её подрывать, обрыли её полностью и обнаружили у неё боковые взрыватели. Были проблемы, но мы ее разминировали. С этой мины сделали описание и отправили на фронт. Все серьёзные задания доверяли первой роте, но это было не замечено. И поэтому так и получалось, что работали мы, а награды получали полковые сапёры. После прорыва обороны немцев за Юхновом вышел приказ штаба, лично пройти по обороне противника и доложить. Я взял Никитина и отправился. Двое суток шли через мины, ограждения, и трижды мы друг друга спасали.

Вышли на Варшавское шоссе, остановили машину и поехали догонять войска. Появился самолёт с нашими знаками и дал очередь по людям. Я успел выпрыгнуть в кювет, а водитель не успел, его ранило. Я его нёс полтора км до медсанбата, а сам отправился дальше. Прибыв в батальон, я приступил с взводом выполнять боевые задания. Через месяц Никитин появился у меня в роте. Он был связным. Я его брал в разведку на Оudere. Так я и не понял, для чего нужно было посылать минёра, если оборона уже была прорвана.

Однажды я получил задание проделать проход на минном поле. Я взял с собой старшего сержанта Петрука, мы шли по траншеям и увидели лошину, заполненную водой. Я ложусь в воду и ползу, вдруг слышу выстрел. Увидел, что Петрук убит. Затем мне пришла разнарядка, отправить 2-х человек в Московское военное инженерное училище. Я думал: кого послать? Я получил письмо от мамы Никитина, которая просила сохранить сыну жизнь, так как потеряла на войне всех близких. Я ему предложил, и он уехал. Через полгода он возвратился в роту и стал её командиром. После войны я встретил его на Курском вокзале, и он сообщил мне, что нашли мой партийный билет. С тех пор мы с ним не виделись, только переписывались. В своей работе я руководствовался памяткой «о начальнике и подчиненном». Там говорилось, что начальник должен быть заботливым и требовательным к своим подчиненным. Это и обеспечило мне успех в отношении с солдатами. 50% роты сохранилось до конца войны.

Награды:

- орден Красного Знамени (№297261. Приказ 49-й Армии №078);
- орден Отечественной войны I степени (№ 91047/ Приказ 121 стрел. корп. №062-И)§
- орден Отечественной войны I степени (№1782292/ Указ През. Верх. Сов. СССР);

— орден Отечественной Войны II степени (№205712. Приказ 49-й Армии №065);

— орден Красной Звезды (№151147. Приказ 11-й инженерно-саперной бригады 074—И);

— орден Красной Звезды (№3055711. Приказ министра обороны);

— медали: «За боевые заслуги», «За участие в героическом штурме и взятии Кенигсберга», «За победу над Германией в Вел. Отеч. войне 1941 — 1945 гг.», «За безупречную службу в Вооруж. Силах СССР», «30 лет Вооруженных Сил СССР», «40 лет Вооруженных Сил СССР», «50 лет Вооруженных Сил СССР», «60 лет Вооруженных Сил СССР», «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За доблесть и отвагу в Великой Отечественной войне», «30 лет победы в Великой Отечественной войне», «40 лет победы в Великой Отечественной Войне 1941-1945 гг.», «50 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «70 лет Вооруженных Сил СССР», Медаль Жукова;

— ветеран 49-й Армии в Великой Отечественной войне 1941-1945гг., памятный знак;

— знак «Фронтовик 1941-1945гг.»;

Июль 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Шевелева Наталья Сергеевна**, студентка 1-го курса Московского авиационного института